

Уголовно-правовое значение профессионализации преступной деятельности (на примере УК РСФСР 1922 г. и УК РФ 1996 г.)

Аннотация. В 2022 г. исполнилось 100 лет с момента принятия первого советского Уголовного кодекса — принципиально нового кодифицированного акта в истории российского законодательства. Цель и задачи настоящего исследования — выявить и проанализировать положения УК РСФСР 1922 г., направленные на борьбу с профессиональной преступностью, оценить их обоснованность, новизну и последовательность в контексте уголовно-политических задач, которые были поставлены перед законодательными органами руководством Советской России, а также их обусловленность складывающейся в тот период социально-экономической и криминологической ситуацией; установить, в какой мере подходы законодателя к уголовно-правовой борьбе с профессиональной преступностью, использованные при создании рассматриваемого Кодекса, получили воплощение и развитие в последующем уголовном законодательстве нашей страны. Для решения указанных задач автором использовались правила, приемы формальной и диалектической логики; абстрагирование и обобщение; исторический, сравнительно-правовой и формально-юридический методы исследования; приемы толкования правовых норм; изучение документальных источников; идеальный эксперимент; правовое прогнозирование, результаты предыдущих криминологических исследований и др. Проанализированы основные и квалифицированные составы преступлений, содержащих такие признаки, как занятие преступлениями определенного вида как профессией и совершение преступления в виде промысла. Рассмотрены правила назначения наказания профессиональным преступникам и применение к ним, помимо наказания, иных мер социальной защиты. Предписания уголовного закона изложены в сочетании с характеристикой социально-экономической и криминогенной обстановки начала 20-х гг. XX в., взглядами отечественных юристов того времени на проблемы криминального профессионализма, авторской оценкой оснований законодательных решений, их пробелов и недостатков. В завершение кратко прослеживается воплощение идей противодействия профессиональной преступности в последующих российских уголовных кодексах и отдельно — в действующем УК РФ 1996 г.

Ключевые слова: УК РСФСР 1922 г.; профессиональный преступник; совершение преступления в виде промысла; занятие преступлениями как профессией; инфраструктура профессиональной преступности; уголовное наказание; меры социальной защиты; рецидив; основной состав преступления; квалифицированный состав преступления; преступные масти; кражи; покупка заведомо краденного с целью сбыта; ростовщичество; фальшивомонетничество.

© Скобликов П. А., 2022

* Скобликов Петр Александрович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права РАН
ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019
skoblikov@list.ru

Для цитирования: Скобликов П. А. Уголовно-правовое значение профессионализации преступной деятельности (на примере УК РСФСР 1922 г. и УК РФ 1996 г.) // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 12. — С. 11–24. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.011-024.

Criminal Law Meaning of Professionalization of Criminal Activities (the Case Study of the 1922 Criminal Code of the RSFSR and the 1996 Criminal Code of the Russian Federation)

Petr A. Skoblikov, Dr. Sci. (Law), Leading Researcher, Criminal Law Sector, Criminal Procedure and Criminology, Institute of the State and Law, Russian Academy of Sciences
ul. Znamenka, 10, Moscow, Russia, 119019
skoblikov@list.ru

Abstract. In 2022, 100 years have passed since the adoption of the first Soviet Criminal Code — a fundamentally new codified enactment in the history of Russian legislation. The purpose and objectives of this study are 1) to identify and analyze provisions of the 1922 Criminal Code of the RSFSR aimed at combating professional crime, to assess their validity, novelty and consistency in the context of criminal and political objectives set before legislative bodies by the Soviet Russia establishment, as well as their dependence on socio-economic and criminological situation that was developing at that time; 2) to determine to what extent the legislator's approaches to the criminal law fight against professional crime, used in the creation of the Code under consideration, were embodied and developed in subsequent criminal legislation of our country. To solve these problems, the author used rules and techniques of formal and dialectical logic, abstraction and generalization, historical, comparative and formal legal research methods, methods of interpretation of legal norms, documentary sources examination, ideal experiment, legal forecasting, results of previous criminological studies, etc. The author analysed the main and qualified *corpa delicti* containing such signs as engaging in crimes of a certain type as a profession and committing a crime in the form of a trade. The paper examines the rules of sentencing professional criminals and application of other social protection measures to them in addition to punishment. The author sets out provisions of the criminal law in combination with characteristics of socio-economic and criminogenic situation of the early 20s of the 20th century. Also, the paper explains the views of Soviet lawyers on problems of criminal professionalism and provides the author's assessment of the grounds for legislative decisions, their gaps and shortcomings. In conclusion, the author briefly describes implementation of the ideas concerning countering professional crime in subsequent Russian criminal codes and in the currently effective 1996 Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: 1922 Criminal Code of the RSFSR; professional criminal; commission of a crime in the form of a trade; occupation with crimes as a profession; infrastructure of professional crime; criminal punishment; social protection measures; recidivism; the main *corpus delicti*; qualified *corpus delicti*; criminal suits; theft; purchase of knowingly stolen goods for sale; usury; counterfeiting.

Cite as: Skoblikov PA. Ugolovno-pravovoe znachenie professionalizatsii prestupnoy deyatel'nosti (na primere UK RSFSR 1922 g. i UK RF 1996 g.) [Criminal Law Meaning of Professionalization of Criminal Activities (the Case Study of the 1922 Criminal Code of the RSFSR and the 1996 Criminal Code of the Russian Federation)]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(12):11-24. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.011-024. (In Russ., abstract in Eng.).

Сто лет назад появился первый Уголовный кодекс Советской России — УК РСФСР 1922 г. В отличие от Руководящих начал по уголовному праву РСФСР, утвержденных 22 декабря 1919 г. постановлением Народного комиссариата юстиции, кодекс был принят 26 мая 1922 г. на 3-й сессии IX Всероссийского

съезда Советов — высшего органа государственной власти в РСФСР в период 1918–1937 гг.

УК РСФСР 1922 г. содержал как Общую, так и Особенную часть, где закреплялась ответственность за конкретные преступления, в то время как Руководящие начала содержали лишь общие положения (об уголовном праве, уголов-

ном правосудии, о преступлении и наказании и др.)¹.

Тогда, в послереволюционный период, в нашей стране происходило радикальное переустройство общества и, соответственно, создание принципиально новой правовой системы, наблюдалась быстрая реализация (по крайней мере попытки реализации) идей, которые в рамках устоявшейся правовой системы могли долго обсуждаться, но так и не воплотиться в жизнь.

В связи с этим изучение данного кодекса, ныне памятника отечественного уголовного права, представляет исследовательский интерес во многих отношениях, прежде всего как источника целого ряда уголовно-правовых идей и конструкций, развитых в последующем уголовном законодательстве либо им отринутых. В настоящей статье автор рассматривает недостаточно освещенные в юридической литературе вопросы уголовной ответственности за профессиональную преступную деятельность, решение которых предлагалось в кодексе.

К главному критерию для причисления лица к типу профессионального преступника российские ученые в 20-х гг. прошлого века относили стремление субъекта к удовлетворению своих потребностей с помощью противоправной деятельности. Так, выдающийся русский юрист и психолог С. В. Познышев считал профессиональным преступником того, «кто несколько раз совершил преступление одного и того же вида по утвердившейся склонности удовлетворять таким образом свою более или менее часто повторяющуюся потребность»². Обращает на себя внимание, что это определение допускает расширительное толкование и позволяет отнести к профессиональным преступникам тех лиц, кто не имеет корыстных мотивов; напри-

мер, серийных убийц, совершающих свои деяния бескорыстно, для получения психологического удовлетворения от самого акта лишения жизни; хулиганов, для забавы издевающихся над окружающими, и пр. Однако ознакомление с процитированным трудом С. В. Познышева показывает, что все описанные им и отнесенные к профессионалам преступники действовали с корыстными мотивами.

В этом смысле более определенно высказался М. М. Гродзинский, по мнению которого к профессиональным преступникам, или преступникам «промысла», относились «те, кто не только систематически совершает преступления, но обращает последние в источник материальных благ, необходимых для существования, иначе говоря, делает преступления источником доходов». Он подчеркивал, что для отнесения преступника к этой категории необходимо установить факт более или менее регулярного получения им материальной выгоды от преступлений, «причем совершенно безразлично, является ли преступная деятельность единственным источником существования данного лица или же имеются и другие средства существования у преступника, равно как в последнем случае безразлично, является ли преступная деятельность главным или же второстепенным источником дохода»³. Если исходить из этого посыла, то *профессиональные преступники чаще всего совершают имущественные преступления.*

Вместе с тем С. В. Познышев сделал важное дополнение: профессионалы не только специализируются на совершении преступлений определенного вида, но и «владеют особой техникой преступления, часто применяют новейшие открытия в своей преступной деятельности, разрабатывают практически особый жаргон преступников (“блатную музыку”)⁴.

¹ Подробнее об этом важном для истории уголовного права нормативном акте см., например: Чучаев А. И., Грачева Ю. В., Маликов С. В. Руководящие начала по уголовному праву: предыстория разработки, прообраз Общей части первого УК РСФСР, значение (к 100-летию принятия) // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 2. С. 106–121.

² Познышев С. В. Криминальная психология : Преступные типы. Л. : Гос. изд-во, 1926. С. 117.

³ Гродзинский М. М. Профессиональная преступность и Уголовный кодекс РСФСР // Право и Жизнь. М., 1923. Кн. 7–8. С. 72–73.

⁴ Познышев С. В. Указ. соч. С. 117.

Чем обуславливалось повышенное внимание к теме профессиональной преступности в то время? В чем виделась бóльшая опасность профессиональной преступности? По мнению Б. С. Утевского (его поддерживали М. Н. Гернет, И. Н. Якимов и др.), профессиональные преступники, составляя ядро преступной среды, совершали «огромное число открываемых преступлений, еще большее число не открываемых и, вероятно, во много раз большее число преступлений, которые даже не доходят до сведения органов розыска и дознания»⁵. Поэтому если бы удалось ликвидировать преступников-профессионалов, то общая картина преступности резко бы изменилась в лучшую сторону.

Не менее важно отметить, что к началу 20-х гг. прошлого века проблема профессиональной преступности для нашей страны значительно усугубилась. Этому способствовали тяжелые последствия Первой мировой и Гражданской войны: разруха, безработица, голод, беспризорность миллионов детей и подростков⁶ (которых профессиональным преступникам легче всего вербовать в качестве подручных, обучать криминальному «мастерству»), распространение наркомании⁷, нарушение нормальной деятельности, а позднее и слом прежней правоохранительной и судебной системы, невозможность быстро создать новые такие системы, массовое освобождение из мест лишения свободы содержащихся там преступников, существенную долю которых составляли реци-

дивисты-профессионалы. Всё это обусловило не только количественный, но и качественный скачок профессиональной преступности.

В этот период, наряду со старыми, дореволюционными преступниками, появилась новая категория нарушителей уголовного закона, состоявшая из двух принципиально разных социальных групп. Одну составили так называемые «бывшие» (дворяне, выходцы из буржуазных слоев общества, мещане, военные, чиновники и др.), прежде всего те из них, кто в силу своих убеждений или других причин не стал либо не сумел сотрудничать с советской властью. Не имея зачастую легальных доходов (или будучи неудовлетворенными их уровнем), они получали средства к существованию за счет совершения имущественных преступлений. В другую группу входили преступники пролетарского или крестьянского происхождения, ставшие на криминальный путь по несчастью: безработные, беспризорные и безнадзорные, не имеющие средств к существованию, нищие, лица, занимающиеся мелкими кражами, проституцией, и др. Каждая категория и группа имела характерные особенности. Так, дореволюционные преступники владели богатым опытом, «техническими» навыками и определенной «квалификацией» в совершении преступлений. У них были налаженные каналы сбыта краденного, они знали и соблюдали обычаи традиционной уголовной среды, что облегчало установление новых криминальных контактов. В свою очередь, «быв-

⁵ Цит. по: Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М. : Юрид. лит., 1990. С. 25–26.

⁶ К 1922 г. в России насчитывалось около 7 млн беспризорных. Решение проблемы беспризорности было объявлено политической задачей. См.: Рожков А. Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 11. С. 134.

⁷ Причем наблюдался синергетический эффект, когда один негативный фактор усиливал другой. В частности, М. Н. Гернет указывал, что к числу факторов развития кокаинизма относится, помимо других, беспризорность. Ему пришлось обработать результаты первого в Москве обследования наркомании среди беспризорных детей в период с 15 февраля по 1 апреля 1924 г. Было обследовано 102 бездомных ребенка и подростка, обитавших под зданиями вокзалов, в разрушенных домах и т.п. Из них только двое ответили отрицательно на вопросы об употреблении табака, алкоголя и кокаина. Из обследованных детей ответили утвердительно на вопросы: о курении — 90, об употреблении кокаина — 82, об употреблении алкоголя — 72. Из сотни детей-наркоманов 47 % отравляли себя всеми тремя наркотиками, 40 % употребляли какие-нибудь два наркотика и 13 % — какой-нибудь один из них. См.: Гернет М. Н. Преступность и самоубийства во время войны и после нее. М. : Изд-во ЦСУ СССР, 1927. С. 154.

шие» не имели преступной квалификации, рынков сбыта, не знали тонкостей воровских обычаев. Но они были лучше образованны, интеллектуально и социально развиты, обладали организаторскими способностями. Названные категории преступников не могли длительное время существовать и действовать параллельно или враждовать. Рано или поздно они должны были объединиться, ведь подобное слияние предопределено объективно, и оно состоялось⁸.

В целом подход законодателя в УК РСФСР 1922 г. применительно к профессиональным преступникам состоял в том, что *для них суды должны определять более строгую меру наказания, нежели для лиц, совершивших преступление впервые*. Такое правило закреплялось в гл. III «Определение меры наказания»: при определении меры наказания судам следует различать, совершено ли преступление профессиональным преступником или рецидивистом либо оно совершено в первый раз (п. «е» ст. 25).

Таким образом, *при совершении корыстных преступлений суды должны были выяснять, являются ли подсудимые профессиональными преступниками и, если это обстоятельство установлено, назначать им более строгое наказание в тех пределах, которые определены в санкции за соответствующее преступление*.

Кроме того, Особенная часть УК РСФСР 1922 г. предусматривает восемь корыстных преступлений, при конструировании которых использованы признаки «занятие преступлением как профессией» или «совершение преступления в виде промысла». С некоторой долей условности можно считать, что речь идет об одном и том же, поскольку, если исходить из приведенного выше определения, совершение преступлений в виде промысла означает криминальный профессионализм. Эти признаки в основном использованы в качестве отягчающих при конструировании квалифицированных составов преступлений, но в трех случаях такой

признак является конститутивным, законодатель прибег к нему при конструировании основного состава преступных деяний (ст. 139, 140а и 181).

В главе VI «Имущественные преступления» предусмотрено три преступления рассматриваемого типа.

Первое преступление — квалифицированная кража — описано в п. «б» ст. 180. Если тайное похищение чужого имущества совершалось лицом, занимающимся кражами как профессией, то содеянное расценивалось как более опасное преступление, нежели простая кража⁹. Санкция за это деяние значительно суровее, мера основного наказания имела более высокий верхний предел. Для сравнения: за простую кражу виновному грозило наиболее строгое наказание в виде лишения свободы на срок шесть месяцев (п. «а» ст. 180), а за квалифицированную кражу — до двух лет лишения свободы.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что данный признак использован только для конструирования квалифицированного состава кражи. Занятие грабежами, мошенничествами и другими хищениями как профессией не образовывало квалифицированных составов по УК РСФСР 1922 г. Такое решение законодателя можно объяснить трояко:

1) кражи преобладали в структуре профессиональной преступности;

2) лица, совершающие кражи («крадуны»), доминировали среди профессиональных преступников;

3) именно «крадуны» больше всех пестовали антиобщественные традиции, чаще всего достигали бóльших высот в своем криминальном мастерстве; внутри этого криминального цеха существовало множество более узких «профессий» (одни воры специализировались на карманных кражах, другие — на кражах из квартир и домов, третьи — на кражах в поездах, четвертые — на кражах из магазинов¹⁰, пятые — на кражах лошадей и т.д.¹¹).

⁸ Подробнее об этом см.: *Водолазский Б. Ф., Вакутин Ю. А.* Преступные группировки, их обычаи, традиции, «законы» (Прошлое и настоящее). Омск : Омская высшая школа милиции МВД СССР, 1979. С. 5–6.

⁹ Термины «простая кража» и «квалифицированная кража» использованы в УК РСФСР 1922 г.

¹⁰ Разумеется, речь идет не о мелких кражах через свободный доступ из супермаркетов и других магазинов самообслуживания (таковых тогда не существовало), а о крупных кражах со взломом, совершаемых, как

В этой части полезно сопоставить первый советский Уголовный кодекс с Уголовным уложением 1903 г. — последним по времени принятия фундаментальным законодательным актом Российской империи в области материального уголовного права. При конструировании норм об ответственности за преступления определенных видов в нем также использовался признак «совершение в виде промысла», причем даже чаще, чем в УК РСФСР, то есть имеет место преемственность. Однако по Уголовному уложению совершение краж в виде промысла образовывало квалифицированный состав лишь в одном случае — если преступник специализировался на кражах лошадей (конокрадство, ст. 585). Универсальной нормы об ответственности за кражу любого имущества в виде промысла дореволюционное законодательство не знало, профессиональные воры других мастей несли ответственность на общих основаниях.

Примечательно также, что в ст. 180 рассматриваемого кодекса квалифицирующий признак обозначен не выражением «совершает кражи в виде промысла», а «занимается кражами как профессией». Почему?

Можно предположить следующее. Авторы УК РСФСР исходили из более глубокого представления о профессиональных преступниках, чем это изложено в процитированных выше работах, видели различие преступного промысла и криминального профессионализма, понимали, что совершение преступления в виде промысла дает основание предполагать в субъекте преступления профессионального преступника, но однозначно на это не указывает. В силу разных

обстоятельств человек может на протяжении определенного времени совершить несколько однородных или идентичных корыстных преступлений, не требующих специальных навыков и умений, а как только обстановка изменится — прекратить преступную деятельность. Для однозначного вывода о криминальном профессионализме могли потребоваться дополнительные признаки: обучение преступному ремеслу лица со стороны более опытных преступников, последовательное совершенствование лицом своих преступных навыков и умений, усвоение и одобрение криминальной субкультуры, наличие у лица идеологического обоснования преступной деятельности, совершение преступлений на протяжении длительного времени и др. Однако тогда данная тема не была достаточно разработана ни отечественными, ни зарубежными исследователями¹².

Как бы то ни было, правоприменителям предоставлялась возможность решать, идентичны ли признаки «совершать кражи в виде промысла» и «заниматься кражами как профессией», а если нет, то каким образом разграничивать эти понятия.

Обратимся далее к иным деяниям, предусмотренным в УК РСФСР 1922 г. и предполагающим криминальный профессионализм.

Второе преступление (также квалифицированный состав) — покупка заведомо краденного с целью сбыта в виде промысла; оно описано в ст. 181 УК РСФСР 1922 г. Каралось это деяние лишением свободы на срок не менее одного года с конфискацией части имущества. Для сравнения: при выполнении основного

правило, в ночное время. Их статистический рост во время Первой мировой войны и еще более после ее окончания давал основание исследователям-современникам предполагать возрастание профессиональной преступности. Подробнее см.: *Гернет М. Н.* Указ. соч. С. 46.

¹¹ В свою очередь, в рамках этих воровских специализаций наблюдались еще более узкие специальности. Так, среди карманников по способу совершения преступления различались «ширмачи», «трясуны», «писаки» и пр. Освоение их специальностей требовало определенных и немалых способностей, усилий, времени.

¹² К примеру, работа «Профессиональный вор» (в которой показано, сколь значимо для достижения криминального мастерства вора обучение у более опытных «коллег», восприятие от них соответствующих «ценностей» и установок) крупного американского криминолога Эдвина Сатерленда была опубликована лишь 15 лет спустя. См.: *Conwell Chic* (pseudonym). *The Professional Thief: by a Professional Thief / Annotated and Interpreted by E. H. Sutherland.* Chicago : University of Chicago Press, 1937. 256 p.

состава виновному грозило наказание в виде принудительных работ или лишения свободы на срок до одного года. Разница заключалась не только в более строгом наказании при совершении преступления в виде промысла, но и в различных сроках давности исполнения наказания. По общему правилу давностный срок при выполнении основного состава составляет три года, квалифицированного — пять лет (ст. 21).

В инфраструктуре профессиональной преступности прошлого века скупщики похищенного имущества занимали важное место¹³. Они оказывали содействие лицам, совершающим не только кражи, но и любые другие хищения (мошенничества, грабежи и т.д.). Их функционирование облегчало реализацию преступного замысла похитителей, повышало безопасность последних, способствовало более глубокой специализации профессиональных преступников¹⁴, делая профессиональную преступную стезю более привлекательной. Таким образом, деятельность профессиональных скупщиков похищенного обладала повышенной общественной опасностью и неудивительно, что за совершение такого рода деяний законодатель предусмотрел более строгие санкции, чем за совершение квалифицированных краж.

Третье преступление — ростовщичество — описано в ст. 193. В ней зафиксированы два альтернативных состава: финансовое и вещное ростовщичество; в первом из них совершение в

виде промысла является конститутивным признаком¹⁵.

В чем суть этого преступления? Она заключается в приобретении имущества посредством противозаконной эксплуатации потерпевшего, в получении имущественной выгоды посредством ссуды капитала в рост за чрезмерные проценты с использованием тяжелого экономического положения потерпевшего. Если лицо впервые судится, вывод о том, что ростовщичество совершено в виде промысла, правомерно делать на основании того, что подсудимый совершил ряд таких деяний. Если же лицо имеет судимость за ростовщичество, достаточно доказать один новый эпизод этой деятельности, имевший место после первого осуждения. Такое лицо в юридической литературе 1920-х гг. характеризовалось как «профессиональный ростовщик»¹⁶.

Не только имущественные преступления имеют в качестве предмета посягательства вещи, деньги, другое имущество и (или) могут совершаться для извлечения регулярного дохода. Законодатель учел это обстоятельство в УК РСФСР 1922 г., усилив ответственность профессиональных преступников за ряд иных деяний.

В главе I «Государственные преступления», в той ее части, где предусматриваются преступления против порядка управления, закреплены два квалифицированных состава преступления по признаку совершения в виде промысла. Одно из них — подделка денежных знаков и государственных процентных бумаг, марок и

¹³ Если рассматривать профессиональную преступность как квазиэкономическую систему, то в ней необходимо выделять инфраструктуру, обеспечивающую успешное функционирование системы. Такая инфраструктура объективно востребована в бизнес-модели как преступных группировок, так и преступников-одиночек.

¹⁴ Воры, например, могли сосредоточиться на оттачивании своего мастерства на стадиях подготовки и совершения хищений, особо не заботясь о хранении и сбыте похищенного, о маскировке своих действий на данной стадии преступной деятельности — все эти заботы на себя брали скупщики краденного.

¹⁵ Для четкости восприятия дальнейшего изложения и с учетом того, что уголовная ответственность за ростовщичество давно исключена из российского законодательства, имеет смысл привести диспозицию, зафиксированную в ст. 193: «Ростовщичество, т.е. взимание в виде промысла за данные займы деньги процентов сверх дозволенных законом, или предоставление в пользование орудий производства, скота, полевых, огородных или посевных семян за вознаграждение в размере, явно превышающем обычную для данной местности норму, с использованием нужды или стесненного положения получающего ссуду, карается...».

¹⁶ См.: *Жижиленко А. А.* Имущественные преступления. Л. : Наука и школа, 1925. С. 182, 188.

других знаков государственной оплаты (ст. 85). Другое — нарушение законов и обязательных постановлений ввоза за границы или провозе из-за границы товаров (ст. 97). Первое из этих преступлений каралось наиболее строго, если сравнивать со всеми иными, совершаемыми в виде промысла. Виновным, независимо от преступной роли, грозила высшая мера наказания с понижением, при смягчающих обстоятельствах, наказания до лишения свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией и конфискацией имущества, а при отсутствии предварительного соглашения или в отношении укрывателей — лишением свободы на срок не ниже двух лет со строгой изоляцией и конфискацией части имущества.

Логика законодателя понятна, поскольку основным объектом рассматриваемого посяательства выступает денежно-кредитная система государства. Наполнение рынков фальшивыми деньгами и другими знаками государственной оплаты ведет к обесцениванию настоящих денег, усиливается инфляция, то есть ущерб причиняется не только тем лицам, которые получили фальшивые знаки государственной оплаты под видом настоящих, но и всем жителям страны. В условиях ограниченных продовольственных и других жизненно важных ресурсов это было особенно опасно. Надо также упомянуть, что подделка знаков государственной оплаты в 20-е гг. прошлого века представляла немалые трудности ввиду отсутствия в гражданском обороте механизмов и приспособлений, серьезно облегчающих эту противоправную деятельность. Она требовала от фальшивомонетчиков специальных познаний в области химии, физики и других наук, а также сложных умений и навыков. Как следствие, эти лица обладали высокой степенью криминального профессионализма и пользовались определенным признанием в антиобщественной среде¹⁷.

В главе IV «Преступления хозяйственные» предусмотрены два преступления, в конструк-

ции которых использован признак «совершение в виде промысла». В одном случае установлена ответственность за скупку и сбыт в виде промысла продуктов, материалов и изделий, относительно которых имеется специальное запрещение или ограничение (ст. 139). В другом — за незаконное приготовление и хранение спиртных напитков в виде промысла (ст. 140а). В обоих случаях указанный признак конститутивный, он использован для конструирования основных составов. То есть в отсутствие этого признака уголовная ответственность за указанные деяния не наступала.

В главе V «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» установлена ответственность за одно преступление, конструкция которого содержит признак «совершение в виде промысла» (ст. 146). Здесь этот признак квалифицирующий. Основной состав — с согласия матери изгнание плода или искусственное прерывание беременности лицами, не имеющими для этого надлежаще удостоверенной медицинской подготовки или хотя бы и имеющими специальную медицинскую подготовку, но в ненадлежащих условиях. Это преступление каралось лишением свободы или принудительными работами на срок до одного года. Если же виновный совершал такое преступление в виде промысла, наказание повышалось до лишения свободы на срок до пяти лет.

Помимо изложенного, следует обратить внимание, что в УК РСФСР предусматривались другие меры социальной защиты (ст. 46), не считавшиеся наказанием и не включенные в перечень видов наказания, налагаемых по данному кодексу (ст. 32). В таких мерах карательный элемент минимален либо отсутствует, но высок профилактический потенциал. Среди них — удаление из определенной местности (п. «г» ст. 46). Указанная мера могла быть назначена лицам, которые признаны социально опасными *по причине связи с преступной средой данной*

¹⁷ Не случайно для обозначения весьма малочисленных представителей рассматриваемой «профессии» в криминальном жаргоне обнаруживается большое количество слов, отражающих различные грани этой деятельности, более узкие специализации фальшивомонетчиков, исторические периоды и пр. («блинопёк», «блиномес», «гравёр», «фармазон», «кукольник» и т.д.).

местности. Осужденные по приговору суда после отбытия основного наказания лишались права пребывания в определенных местностях на срок не свыше трех лет (ст. 49). Связь с преступной средой конкретной местности, как правило, поддерживают профессиональные преступники. Следовательно, рассматриваемая мера прежде всего направлена против них и призвана затруднить продолжение их преступной деятельности после отбытия основного наказания. Если более конкретно, совершение новых имущественных преступлений в результате осложняется, поскольку затрудняется поиск наводчиков, соисполнителей, сбытчиков похищенного и т.д. (в привычной среде, где у профессионального преступника имеются соответствующие связи, решение перечисленных задач, напротив, упрощается).

Характерно, что в криминологических источниках середины 20-х гг. XX в. понижение уровня регистрируемой преступности в столичных городах на фоне повышения этого показателя в дальних городах и губерниях объяснялось высылкой из столиц преступников-профессионалов на основании ст. 49 УК РСФСР¹⁸.

В современных источниках можно встретить однозначно негативные оценки рассмотренной выше меры социальной защиты. Так, Э. Г. Шкрядова пишет: «К отрицательным моментам следует отнести введение в ст. 49 высылки по основанию, имеющему оценочный характер, относящийся исключительно к антисоциальной характеристике личности (в эту группу входили лица, связанные с преступной средой данной местности независимо от совершенных ранее преступных деяний), т.е. введение не уголовно-правового основания применения мер принуждения»¹⁹. При этом логику размышлений, приведших к данному выводу, автор не раскрывает. Да и сам вывод сформулирован нечетко. То ли автор считает, что имело место отступление от принципа законности, то ли полагает, что для

применения этой меры не требовалось доказывать факт совершения деяния, запрещенного УК РСФСР 1922 г., то ли имеется в виду что-то иное.

Между тем, как это следует из содержания ст. 46 рассматриваемого кодекса, удаление из определенной местности осужденного (равно как и любая другая мера социальной защиты: принудительное лечение, отдание несовершеннолетнего на поруки и пр.) заменяет наказание или следует за ним, т.е. назначается лицу, виновность которого в совершении деяния, запрещенного уголовным законом, доказана. Эта мера закреплена в законе, назначается по приговору суда и нацелена на предупреждение совершения новых противоправных деяний со стороны осужденного с учетом его личных характеристик.

Для полноты картины стоит указать, что в уголовном законодательстве Российской империи (включая Уголовное уложение 1903 г.) не предусматривались меры социальной защиты, назначаемые преступникам наряду с наказанием или вместо него. Однако такой институт к началу XX в. уже был проработан в теории уголовного права Европы и получил воплощение в некоторых новейших на тот момент уголовных кодексах (например, в норвежском 1902 г.), а также в официальных проектах: швейцарском (1908 г.), германском (1909 г.), австрийском²⁰. В отличие от наказания, обязательным содержанием которого является кара и которое направлено как на общее, так и на специальное предупреждение преступлений, меры социальной защиты могут не иметь карательной составляющей и нацелены на предупреждение совершения нового преступления тем же преступником, на предотвращение рецидива. Таким образом, рассматриваемый правовой институт не является изобретением советской власти, советских ученых-юристов, но именно эта власть восприняла прогрессивные идеи своего времени и внедрила их в отечественное законодательство.

¹⁸ См.: Гернет М. Н. Указ. соч. С. 160.

¹⁹ Шкрядова Э. Г. Множественность преступлений в период становления советского уголовного законодательства // Современное право. 2008. № 6. С. 111.

²⁰ Подробнее см.: Немировский Э. Я. Учебник уголовного права. Общая часть. Одесса : Изд. Акционер. Южно-Русского о-ва печ. дела, 1919. С. 2–3.

Вместе с тем законодатель в УК РСФСР 1922 г. воздержался от формулирования признаков, по которым можно установить криминальный профессионализм обвиняемого, и это не могло не осложнять применение рассмотренных здесь норм, одновременно расширялась почва для субъективных и произвольных решений при назначении наказания и мер социальной защиты.

В завершение этой части необходимо отметить следующее. В УК РСФСР 1922 г. российский законодатель проявил себя наиболее решительно и продуманно (если сравнивать с последующими уголовными кодексами как советской, так и постсоветской поры) в вопросах уголовно-правового обеспечения борьбы с профессиональной преступностью, несмотря на отсутствие желаемой четкости, последовательности и полноты при регламентации этих вопросов.

В УК РСФСР 1926 г. уже не использовался квалифицирующий признак «совершение преступления лицом, занимающимся кражами как профессией». Еще более важно, что в данном кодексе, как и в УК РСФСР 1960 г., назначение

наказания и других уголовно-правовых мер в целом не было увязано с криминальным профессионализмом подсудимого, хотя при совершении противоправных деяний некоторых видов наличие признака «совершение в виде промысла» по-прежнему влекло квалификацию содеянного как преступления или переквалификацию на более «тяжелые» статьи (части, пункты), применение более строгих наказаний. При этом, однако, четко просматривалась тенденция постепенного отказа от использования рассматриваемого признака²¹. В первоначальной редакции УК РФ 1996 г. этот признак вообще не использовался и не используется до настоящего времени. Более того, в действующем УК РФ последние 20 лет наблюдается тенденция смягчения и полного освобождения от ответственности лиц, со стороны которых имеет место фактический²², криминологический²³ либо даже уголовно-правовой рецидив преимущественно корыстных преступлений²⁴. *А рецидив корыстных преступлений — важный индикатор профессиональной преступности.*

²¹ Так, в первой редакции УК РСФСР 1961 г. было предусмотрено пять подобных преступлений: коммерческое посредничество, осуществляемое частными лицами в виде промысла, — ст. 153; спекуляция в виде промысла — ст. 154; изготовление или сбыт в виде промысла поддельных билетов или иных документов на проезд пассажиров или провоз грузов — ст. 159; незаконная порубка леса в каких бы то ни было лесах, совершенная в виде промысла, — ст. 169; приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем, совершенное в виде промысла, — ст. 208. А вот в последней редакции данного кодекса признак «совершение в виде промысла» использовался при конструировании лишь двух составов преступлений.

²² Фактический рецидив, в представлении автора, — это повторное совершение преступления одним и тем же лицом, независимо от того, было ли оно привлечено к ответственности за предыдущее преступление.

²³ Криминологическое понятие рецидива по объему уже фактического рецидива. Автор исходит из того, что повторное совершение преступления является криминологическим рецидивом, если оно совершено лицом после привлечения его к ответственности за предыдущее преступление, независимо от того, завершено ли расследование, направлено ли дело в суд, осуждено ли лицо или освобождено от ответственности по нереабилитирующим основаниям. Не имеет значения наличие судимости и тяжесть совершенных преступлений. Ключевыми моментами являются выявление и раскрытие преступления уполномоченными государственными органами, принятие по отношению к обвиняемому (подозреваемому) определенных мер реагирования на его противоправное деяние и, несмотря на это, совершение данным лицом нового преступления.

²⁴ Уголовно-правовой рецидив — предусмотренное в качестве такового в уголовном законе повторное совершение преступления одним и тем же лицом. Признание рецидива влечет дополнительные неблагоприятные последствия для виновного в соответствии с законом. Конкретные условия признания рецидива, а также его последствия в разных законодательных системах и в разное время могут отличаться. Пример такого изменения в УК РФ 1996 г. будет представлен далее.

В обоснование тезиса о негативных тенденциях современного законодательства в плане борьбы с профессиональной преступностью надо указать некоторые его вехи, раскрыть объективную направленность внесенных изменений. Прежде всего следует обратить внимание, что в обозначенный период было внесено изменение (Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ), согласно которому при признании рецидива преступлений не учитываются умышленные преступления небольшой тяжести (п. «а» ч. 4 ст. 18 УК РФ). Таким образом, сколько бы корыстных преступлений небольшой тяжести ни совершил профессиональный преступник (кражи, мошенничества, иные корыстные деяния) и сколько бы раз ни был за них осужден (два, двенадцать или двадцать), несмотря на то, что на момент совершения очередного преступления состояние судимости сохраняется, — это обстоятельство (фактический или криминологический рецидив) отягчающим суд не должен признавать; уголовно-правовой рецидив отсутствует, и пункт «а» ч. 1 ст. 63, а также статья 68 УК РФ (где устанавливаются ограничения на смягчение наказания для рецидивистов) при назначении наказания не применяется.

Важно напомнить и другое изменение (Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ), согласно которому те умышленные преступления (среди них и корыстные, свойственные профессиональным преступникам), за совершение которых предусмотрено наиболее строгое наказание до трех лет лишения свободы, стали причисляться к категории небольшой тяжести.

Ранее в УК РФ они относились (или относились бы) к категории средней тяжести. В качестве примера можно привести такие деяния, как воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности с квалифицирующими признаками (ч. 2 ст. 169 УК РФ)²⁵, производство, приобретение, хранение, перевозка в целях сбыта или продажа немаркированной алкогольной продукции, подлежащей обязательной маркировке акцизными марками либо федеральными специальными марками, а также немаркированных табачных изделий, подлежащих маркировке специальными (акцизными) марками, совершенные в крупном размере (ч. 6 ст. 171.1 УК РФ)²⁶, незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов, займов (ст. 171.5 УК РФ)²⁷ и др. Рассматриваемое изменение законодательства не только дополнительно сузило сферу применения п. «а» ч. 1 ст. 63, ст. 68 УК РФ, но и резко сократило срок давности привлечения к уголовной ответственности — с шести до двух лет (п. «а» и «б» ч. 1 ст. 78 УК РФ).

В соответствии с еще одним изменением законодательства (см. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ) суды наделены правом при наличии смягчающих и отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую. В частности, суд может перевести преступление средней тяжести в категорию небольшой тяжести при условии, если осужденному назначено наказание, не превышающее трех лет лишения свободы, или другое более мягкое наказание

²⁵ Должностные лица нередко осуществляют неправомерный отказ в совершении необходимых с их стороны действий и нарушают права и законные интересы предпринимателей, юридических лиц, ограничивают их самостоятельность и вмешиваются в деятельность, имея к тому корыстные мотивы — выполняя заказы конкурентов потерпевших или побуждая таким образом последних к предложению взятки, чтобы устранить препятствия в их деятельности.

²⁶ Алкогольный бизнес — одно из традиционных направлений деятельности организованных преступных группировок (которые по определению состоят из профессиональных преступников).

²⁷ Сфера долговых отношений также традиционно привлекает членов организованных преступных группировок, которые, помимо прочего, подвизаются на поприще «выбивания» проблемных долгов. Подробнее об этом см., например: Скобликов П. А. Истребование долгов и организованная преступность. М. : Юрист, 1997 ; *Он же*. Современная уголовная политика по вопросам защиты прав лиц, подвергающихся противоправному воздействию с целью взыскания задолженности // Академическая мысль. 2018. № 3 (4). С. 62–68.

(ч. 6 ст. 15 УК РФ). Совершение такого преступления также не учитывается при признании рецидива со стороны привлеченного к ответственности лица.

Кроме того, Общая часть УК РФ была дополнена нормой (ч. 2 ст. 76.1), в соответствии с которой лицо, впервые совершившее одно или несколько преступлений небольшой и средней тяжести, а в отдельных случаях и тяжкие²⁸ (многие из которых характерны для профессиональных преступников — разнообразные мошенничества, включая те, которые совершаются в сфере высоких технологий²⁹; криминальные банкротства; нарушение порядка учета прав на ценные бумаги; манипулирование рынком; воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг³⁰ и др.), освобождается от уголовной ответственности, если возместило ущерб, причиненный потерпевшему в результате совершения преступления, а также перечислило в федеральный бюджет определенную сумму денег (см. федеральные законы от 03.07.2016 № 325-ФЗ, от 27.12.2018 № 533-ФЗ, от 27.12.2019 № 500-ФЗ, от 01.04.2020 № 73-ФЗ, от 11.06.2021 № 215-ФЗ). При этом не требуется согласие потерпевшего или прокурора на освобождение от ответственности, не имеет значения наличие обстоятельств, отягчающих наказание, и отсутствие обстоятельств, смягчающих наказание.

Если выявлено несколько преступлений, к которым лицо причастно и ни за одно из которых оно не было осуждено, все они считаются совершенными впервые. Причем если лицо ранее освобождалось от уголовной ответственности на основании ч. 2 ст. 76.1 УК РФ либо по другим нереабилитирующим основаниям, то все последующие преступления этого лица, за которые оно не было осуждено, также считаются совершенными впервые. Наконец, если лицо было неоднократно судимо, но судимости сняты или погашены, считается, что новое преступление оно также совершает впервые³¹. Отсюда вытекает, что часть 2 ст. 76.1 УК РФ по отношению к одному и тому же лицу может применяться сколь угодно раз, если соблюдены предусмотренные в законе три условия³².

Таким образом, *склонные к преступной деятельности лица могут вести ее в относительно безопасных условиях, вполне легально и просто избегая судимости и наказания: в тех случаях, когда правоохранительным органам удастся разоблачить отдельные эпизоды их противоправной деятельности, — фактически откупаясь от ответственности, осуществлять требуемые выплаты за счет средств, полученных в результате как раскрытых, так и нераскрытых преступлений.* Поскольку, как и в любой профессии, с течением времени происходит совершенствование кри-

²⁸ Это, например, преднамеренное банкротство, совершенное лицом с использованием своего служебного положения или контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица, а равно группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (ч. 2 ст. 196 УК РФ), фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ).

²⁹ Мошенничество с использованием электронных средств платежа (ч. 1 ст. 159.3 УК РФ), мошенничество в сфере компьютерной информации (ч. 1 ст. 159.6 УК РФ).

³⁰ Преступления перечисленных видов могут совершаться в рамках так называемых рейдерских захватов чужого имущества и предприятий, которые представляют собой высоко доходную разновидность криминального «бизнеса».

³¹ Такой позиции придерживается Пленум Верховного Суда РФ (п. 2 постановления от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»), она базируется на конституционном принципе, согласно которому любой обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не установлена вступившим в законную силу приговором суда (ст. 49 Конституции РФ).

³² Кратко повторим: 1) отсутствие неснятой или непогашенной судимости; 2) возмещение причиненного преступлением ущерба; 3) перечисление в федеральный бюджет суммы денег, исчисляемой по специальной формуле, прописанной в ч. 2 ст. 76.1. УК РФ.

минального мастерства индивида, разоблачение будет иметь место всё реже и реже, а преступления будут всё лучше замаскированными и более опасными³³.

Без малого сто лет назад видный советский ученый-правовед Б. С. Утевский с сожалением фиксировал недостаточно внимательное отношение к рецидиву преступлений в нашей стране и объяснял его «господствующим взглядом, что преступность в России, в противоположность преступности в западных странах, характеризуется как преступность впервые, в которой рецидив и профессиональная преступность не играют какой-либо заметной роли»³⁴.

Приходится констатировать, что сегодня указанная проблема вновь проявилась, а ее объяснение, предложенное Б. С. Утевским, по-прежнему актуально. В правосознании

лиц, причастных к законотворческому процессу и выработке уголовной политики, по всей видимости, *отрицается сколь-нибудь существенная роль криминального профессионализма и наличествует представление о том, что подавляющая часть выявляемых преступлений (по крайней мере преступлений против собственности и в сфере экономической деятельности) совершается случайно и обычно один раз в жизни*. Поэтому нет необходимости в наказании, а главные усилия следует направить на возмещение причиненного преступлением вреда. Однако это представление трансцендентально, оно не подтверждено практикой и не основано на криминологических исследованиях, как правило, не учитываемых при изменении уголовного законодательства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Водолазский Б. Ф., Вакутин Ю. А.* Преступные группировки, их обычаи, традиции, «законы» (Прошлое и настоящее). — Омск : Омская высшая школа милиции МВД СССР, 1979. — 38 с.
2. *Гернет М. Н.* Преступность и самоубийства во время войны и после нее. — М. : Изд-во ЦСУ СССР, 1927. — 270 с.
3. *Гродзинский М. М.* Профессиональная преступность и Уголовный кодекс РСФСР // Право и жизнь. — М., 1923. — Кн. 7–8. — С. 72–73.
4. *Гуров А. И.* Профессиональная преступность: прошлое и современность. — М. : Юрид. лит., 1990. — 304 с.
5. *Жижиленко А. А.* Имущественные преступления. — Л. : Наука и школа, 1925. — 226 с.
6. *Немировский Э. Я.* Учебник уголовного права. Общая часть. — Одесса : Изд. Акционер. Южно-Русского о-ва печ. дела, 1919. — 372 с.
7. *Познышев С. В.* Криминальная психология : Преступные типы — Л. : Гос. изд-во, 1926. — 255 с.
8. *Рожков А. Ю.* Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. — 2000. — № 11. — С. 134–139.
9. *Скобликов П. А.* Истребование долгов и организованная преступность. — М. : Юристъ, 1997
10. *Скобликов П. А.* Принцип максимальной толерантности в рамках противодействия преступности: современное российское законотворчество // Закон. — 2022. — № 2. — С. 163–170.

³³ Этот порядок еще более упрочивается и масштабируется благодаря таким новациям, как судебный штраф (Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ), и другим, рассмотреть которые в рамках статьи не представляется возможным. Отчасти данные вопросы проанализированы в иных работах автора. См., например: *Скобликов П. А.* Принцип максимальной толерантности в рамках противодействия преступности: современное российское законотворчество // Закон. 2022. № 2. С. 163–170.

³⁴ *Утевский Б.* Преступность и рецидив // Современная преступность (Преступление, пол, репрессия, рецидив) : По данным переписи мест заключения / под общ. ред. и с предисл. нар. комиссара внутр. дел А. Г. Белобородова ; Гос. ин-т по изучению преступности и преступника. Вып. 1. 1927. С. 39.

11. Скобликов П. А. Современная уголовная политика по вопросам защиты прав лиц, подвергающихся противоправному воздействию с целью взыскания задолженности // Академическая мысль. — 2018. — № 3 (4). — С. 62–68.
12. Утевский Б. Преступность и рецидив // Современная преступность (Преступление, пол, репрессия, рецидив) : По данным переписи мест заключения / под общ. ред. и с предисл. нар. комиссара внутр. дел А. Г. Белобородова ; Гос. ин-т по изучению преступности и преступника. — Вып. 1. — 1927.
13. Чучаев А. И., Грачева Ю. В., Маликов С. В. Руководящие начала по уголовному праву: предыстория разработки, прообраз Общей части первого УК РСФСР, значение (к 100-летию принятия) // Союз криминалистов и криминологов. — 2020. — № 2. — С. 106–121.
14. Шкредова Э. Г. Множественность преступлений в период становления советского уголовного законодательства // Современное право. — 2008. — № 6. — С. 104–111.

Материал поступил в редакцию 3 июня 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vodolazskiy B. F., Vakutin Yu. A. Prestupnyye gruppировки, ikh obychai, traditsii, «zakony» (Proshloe i nastoyashchee). — Omsk: Omskaya vysshaya shkola militsii MVD SSSR, 1979. — 38 s.
2. Gernet M. N. Prestupnost i samoubiystva vo vremya voyny i posle nee. — M.: Izd-vo TsSU SSSR, 1927. — 270 s.
3. Grodzinskiy M. M. Professionalnaya prestupnost i Ugolovnyy kodeks RSFSR // Pravo i zhizn. — M., 1923. — Kn. 7–8. — S. 72–73.
4. Gurov A. I. Professionalnaya prestupnost: proshloe i sovremennost. — M.: Yurid. lit., 1990. — 304 s.
5. Zhizhilenko A. A. Imushchestvennye prestupleniya. — L.: Nauka i shkola, 1925. — 226 s.
6. Nemirovskiy E. Ya. Uchebnyy ugolovnyy prava. Obshchaya chast. — Odessa: Izd. Aktsioner. Yuzhno-Russkogo o-va pech. dela, 1919. — 372 s.
7. Poznyshv S. V. Kriminalnaya psikhologiya: Prestupnyye tipy — L.: Gos. izd-vo, 1926. — 255 s.
8. Rozhkov A. Yu. Borba s besprizornostyu v pervoe sovetskoe desyatiletie // Voprosy istorii. — 2000. — № 11. — S. 134–139.
9. Skoblikov P. A. Istrebovanie dolgov i organizovannaya prestupnost. — M.: Yurist, 1997
10. Skoblikov P. A. Printsip maksimalnoy tolerantnosti v ramkakh protivodeystviya prestupnosti: sovremennoe rossiyskoe zakonotvorchestvo // Zakon. — 2022. — № 2. — S. 163–170.
11. Skoblikov P. A. Sovremennaya ugolovnaya politika po voprosam zashchity prav lits, podvergayushchikhsya protivopравному vozdeystviyu s tselyu vzyskaniya zadolzhennosti // Akademicheskaya mysl. — 2018. — № 3 (4). — S. 62–68.
12. Utevskiy B. Prestupnost i retsidiv // Sovremennaya prestupnost (Prestuplenie, pol, repressiya, retsidiv): Po dannym perepisi mest zaklyucheniya / pod obshch. red. i s predisl. nar. komissara vnutr. del A. G. Beloborodova; Gos. in-t po izucheniyu prestupnosti i prestupnika. — Vyp. 1. — 1927.
13. Chuchaev A. I., Gracheva Yu. V., Malikov S. V. Rukovodyashchie nachala po ugolovnomu pravu: predystoriya razrabotki, proobraz obshchey chasti pervogo UK RSFSR, znachenie (k 100-letiyu prinyatiya) // Soyuz kriminalistov i kriminologov. — 2020. — № 2. — S. 106–121.
14. Shkredova E. G. Mnozhestvennost prestupleniy v period stanovleniya sovetskogo ugolovnogogo zakonodatelstva // Sovremennoe pravo. — 2008. — № 6. — S. 104–111.